

С девяти с лишним утра и до трёх с лишним часов дня они вкусили безумие и абсурд.

Цзян Юй лежал на холсте, а меж его ног белело множество липких следов, которые уже успели остыть. Он смотрел в потолок над головой: он переспал с Сюй Имином, причем находился снизу.

Единственным утешением было то, что это тело принадлежало не ему, однако обитавшая внутри душа всё равно отчётливо ощущала ту боль, жжение и зуд от полного проникновения.

Цзян Юй пригладил влажные волосы, оперся руками о пол и приподнялся. Это движение отозвалось болью в мышцах поясницы и ног, он сдавленно втянул воздух и, опираясь о стоящую рядом раму для картин, кое-как поднялся.

Невзначай подобрав с пола лист бумаги для рисования, он стер стекавшую по бедрам жидкость, вышел в студию, переоделся в заново найденные в спальне Сюй Имина рубашку и брюки и стал похож на озорного ребенка, тайком нарядившегося взрослым.

То влажное платье, в котором пришел Цзян Юй, Сюй Имин, должно быть, выбросил, включая полпачки сигарет в кармане и немного мелочи. Цзян Юй пошарил глазами вокруг, но не заметил ничего похожего на копилку, так что ему пришлось с мрачным лицом отправиться ловить такси и хромая вернуться в поместье семьи Му.

Дворецкий выбежал к воротам расплатиться с водителем и заметил, что Цзян Юй опирается о стену, странно ступает и при этом одет в просторные одежды из дорогого материала ручной работы. У дворецкого дернулся глаз: он вспомнил, что в прошлом году видел этот костюм на господине Сюй.

Не смея углубляться в мысли, дворецкий поспешил на кухню и велел приготовить что-нибудь полегче.

Если бы Цзян Юй знал, что в прошлом году на приеме у Му Чэня Сюй Имин был одет именно в этот костюм, его бы наверняка стошнило кровью от злости.

— Шаоцин, что случилось? — встретившая в саду юношу госпожа Му нахмурила брови, заметив его бледное лицо и хромоту. — Ты не ночевал дома, опять с кем-то подрался на улице?

Ей показалось, что одежда на юноше выглядит знакомо, но вспомнить она не могла.

— Угу, подрался.

И проиграл.

Тело Цзян Юя пронизывала жуткая ломота, и ему не хотелось ничего объяснять. Бросив взгляд на лестницу, он сжав челюсти поплелся вверх ступень за ступенью, и к тому моменту, как добрался до кровати и рухнул на нее, чувствовал себя полуживым.

Внизу госпожа Му позвонила Му Чэню и рассказала обо всем. Она сидела в гостиной за чашкой чаю, в то время как стоявший рядом дворецкий шевелил губами, собираясь что-то сказать, но так и не решился, в конце концов не выдав ни единого слова.

Вскоре оба услышали шум у входа и сильно удивились: обычно тот мужчина никогда не приезжал в такое время, ведь у него всегда были занятия только по вечерам.

Госпожа Му изобразила благопристойную улыбку:

— Господин Сюй, Сыфань еще не вернулся из школы, присядьте пока...

— Я по делу к Му Шаоцину, — оборвал ее Сюй Имин, чей неизменно сдержанный тон на этот раз сочился чересчур явным нетерпением.

Госпожа Му опешила:

— Дворецкий, позови Шаоцин вниз, скажи, что...

— Не нужно, просто проводите меня, — Сюй Имин снова перебил госпожу Му. Подобное поведение шло вразрез с приличиями, однако царившие в его взгляде изящество и спокойствие заставляли невольно забыть об этой бестактности.

Следуя за дворецким вверх, Сюй Имин остановился у двери и постучал. Изнутри никто не откликнулся, и он вопросительно посмотрел на дворецкого. Тот помедлил немного и позвал:

— Старший молодой господин, к вам господин Сюй.

Лишь спустя долгое время изнутри донесся глухой голос:

— Пусть войдет.

Дворецкий достал запасной ключ, открыл дверь, знаком пригласил Сюй Имина внутрь, а сам остался стоять в противоположном конце коридора, готовый в любой момент отреагировать, если что-то случится.

Войдя, Сюй Имин задвинул щеколду, бросил беглый взгляд на валявшуюся на полу одежду и легко приподнял бровь. Он подошел к постели, откинул одеяло и свысока уставился на

лежавшего ничком юношу.

Он всего лишь позвонил другу, чтобы расспросить, как правильно всё вымыть, а пока ходил в аптеку за лекарством, этот человек уже сбежал.

— Вставай.

Цзян Юй не шелохнулся. Они перескочили первую и вторую базу сразу на третью, испробовав все те нежные поцелуи, ласки и объятия, которые положены между любовниками, однако уровень благосклонности вряд ли мог подскочить с минус единицы до ста в одно мгновение, поэтому он и ушел — ему было любопытно, станет ли Сюй Имин разыскивать его.

Он чувствовал, что играет вовсе не роль Му Шаоцина, а ведет сложную психологическую игру.

Матрас поддался под чьим-то весом, нижнее белье стянули вниз, и Цзян Юй приоткрыл глаза:

— Я только что в туалет ходил.

Сюй Имин машинально хотел вытереть руку салфеткой, но замер на полпути, достал из кармана маленькую черную коробочку, открыл ее и, зачерпнув пальцем белую мазь, принялся аккуратно смазывать воспаленное донельзя место юноши. — Мне в прошлом месяце исполнилось восемнадцать.

Уголки губ изогнулись в довольной улыбке, и Цзян Юй ленивым тоном произнес:

— Утром ты занимался любовью вовсе не с несовершеннолетним.

Сюй Имин не поднимал головы, его пальцы медленно втирали мазь. Дождавшись, пока она почти полностью впитается, он поставил баночку на прикроватную тумбочку, поднялся, собрал с пола одежду и сложил её в пакет.

— Эту одежду я надевал пару раз в прошлом году, её видело множество людей из семьи Му.

Лицо Цзян Юя на мгновение застыло, затем он насмешливо фыркнул:

— Что такое? Боишься, что твою репутацию великого художника запятнает такой мелкий хулиган, как я?

— Репутацию?

Движения Сюй Имина на секунду замерли, а в глубинах его глаз мелькнуло нечто вроде

насмешки.

— Уходи, я хочу спать.

Цзян Юй натянул одеяло и целиком спрятался с головой.

В конце лета занятия Сюй Имина подошли к концу. В тот день Му Сыфань плелся следом за ним с покрасневшими глазами, выглядя точь-в-точь как брошенный хозяином щенок. Наблюдая из окна, Цзян Юй запечатлел эту сцену в памяти.

Уже у ворот Сюй Имин неожиданно обернулся и посмотрел на то самое окно. Их взгляды встретились. В тот момент Цзян Юй подумал, что ему, пожалуй, померещилось, иначе он никак не смог бы увидеть, как Сюй Имин улыбается с таким лукавым выражением.

Выставка Сюй Имина была отменена в последний момент, и он уехал за границу. Цзян Юй, как и все остальные в стране, пребывал в неведении, а Му Сыфань снова начал сходить с ума, становясь переменчивым, точно погода.

Едва наступила осень, температура резко упала. Пришлось кутаться в верхнюю одежду и свитеры — казалось, за летом сразу же последовала зима.

Цзян Юй всё ещё подрабатывал в книжном магазине. Раз уж Сюй Имин уехал, у него не было причин оставаться в доме семьи Му и терпеть двусмысленные намеки и едкие насмешки Му Сыфаня, поэтому на заработанные деньги он снял крошечную комнатку неподалеку от магазина.

В декабре стоял трескучий мороз.

В половине одиннадцатого ночи Цзян Юй закрыл книжный магазин, выдохнул облачко пара, сунул руки в карманы брюк и неторопливой походкой направился к своему жилищу. Но, заметив под фонарным столбом мужчину, он резко остановился.

Сменилось два сезона, и мужчина, уехавший за границу, вернулся.

Цзян Юй стоял на месте не двигаясь, прищурившись и наблюдая, как высокий мужчина шаг за шагом приближается к нему.

Не прозвучало ни фразы вроде «Я вернулся», ни «Ты вернулся». Спустя несколько месяцев они стояли напротив друг друга зимней ночью на углу улицы под мерцание неоновых вывесок.

Если подумать, они не были друзьями, не были любовниками и даже не тянули на партнеров для постели — по идее, должно было возникнуть неловкое чувство, но ничего подобного не

наблюдалось.

Сюй Имин снял со своей шеи вязаный шарф и обмотал его вокруг шеи Цзян Юя. Его голос потонул в грохоте проезжающего мимо мотоцикла:

— У тебя сейчас есть кто-то на примете?

— Нет.

Цзян Юй сделал глубокий вдох, втягивая прохладный аромат шарфа, в котором угадывались едва уловимые нотки туши и бумаги.

Взгляд Сюй Имина слегка потемнел:

— У меня тоже.

Приподняв бровь, Цзян Юй терпеливо ждал продолжения. На вид он казался совершенно спокойным, но внутри него буря металась совсем другая.

— Раз уж ни у кого из нас нет...

Сюй Имин наклонился ближе, его горячее дыхание коснулось лица Цзян Юя, а голос стал тише:

— Давай попробуем быть вместе.

Произнеся это, Сюй Имин словно почувствовал огромное облегчение. Он уехал за границу из-за проблем со здоровьем своего наставника. В тот период он написал портрет: моделью послужил приглянувшийся ему ранее мальчик, метис с невероятно красивыми чертами лица. Итоговая работа получилась безупречной, но он уничтожил картину.

Потому что наброшенные на холсте очертания принадлежали мальчику-метису, но глаза его оказались не сапфирово-синими, а черными — демоническими и дикими.

С тех пор он заметил, что лицо этого человека всплывало в его мыслях больше двадцати раз — беспрецедентный случай.

Именно поэтому он вернулся.

На губах Цзян Юя медленно расцвела улыбка, и он кивнул:

— Хорошо.

Прошла, пожалуй, секунда или две, прежде чем Сюй Имин пришел в себя. Он вытащил одну руку Цзян Юя из кармана и крепко сжал её:

— Тогда пойдем собирать вещи. Перебирайся ко мне, теперь ты будешь жить со мной.

— Какие еще вещи?

Цзян Юй бросил на него косой взгляд и фривольно усмехнулся:

— У тебя что, даже денег нет, чтобы купить мне все эти предметы первой необходимости?

Сюй Имин впервые в жизни узнал, что такое неловкость.

<http://bllate.org/book/25413/3029634>